

А. К. ГОЛОВНИЧ

Белорусский государственный университет транспорта, г. Гомель

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ВОСПРИЯТИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ С АЛЬТЕРНАТИВАМИ АВТОРСКОГО ЗАМЫСЛА

Феноменология как философское направление рассматривает описание опыта, который позволяет познать объекты материального мира. По сути, феноменологом может называться любой, кто смотрит на то, что есть и рассказывает о том, что видит и чувствует. Через собственное восприятие человек наполняет предмет восприятия своим содержанием, личным и особым смыслом. При этом восприятие познаваемой вещи исследователь переносит на психологические рефлексии собственных ощущений, которые рассматриваются как феномены. В философии феномен – явление, факт, событие или что-либо другое, доступное познанию. Традиционное понимание феномена – как чего-то необычного. В нашем случае его необычность заключается в том, что восприятие читателем литературного произведения индивидуальное, личное, своё. С такой позиции произведение может рассматриваться как феномен читательского сознания. Нас интересует феноменология читательского восприятия, и насколько она может быть индивидуальной, а насколько – соответствовать авторскому замыслу.

Часто произведение имеет нелинейный сюжет с большим количеством многохарактерных и фактурных персонажей. По мере повествования наблюдаются своеобразные сюжетные обрывы, событийные недосказанности, параллельные линии, многочисленные ретроспективы и др. Результаты использования автором всех этих литературных приемов приводят к тому, что в восприятии читателем произведения формируется некоторый емкий и чрезвычайно сложный динамический образ, и детали этой насыщенной картины из-за непонятых или отсутствующих элементов читатель осознанно или интуитивно дорисовывает сам (как он понял из прочитанного или как ему ближе и доступнее). И эта общая картина восприятия произведения может быть несколько иной, чем мыслил и представлял автор.

Вспомним яркие и незабываемые образы многих героев классических произведений, которые неоднозначны в нашем отношении к ним, в характерах которых одновременно есть и привлекательные, и отрицательные стороны. Их восприятие не может быть однотипным, шаблонным, повторяющимся в рефлексиях всех читателей и при этом совпадающим с замыслом писателя.

По Гуссерлю, феноменология может рассматриваться как метод уяснения смысловых полей сознания (в нашем случае – автора произведения), определения инвариантных характеристик, которые делают возможным объективное восприятие объекта познания (литературного произведения).

Бытие (содержание произведения в представлении автора) и сознание (читательское восприятие) в идеале должны быть соотносительны друг другу, т. е. подобны, похожи. Философская аксиоматика феноменологии утверждает, что существует первичный опыт (в данном случае – автора произведения), суть которого можно раскрыть, «если мы раскрываемся навстречу познаваемым вещам» [1]. Это значит, что читатель может стремиться понять автора, а автор, в свою очередь, имеет право быть правильно понятым читателем.

С другой стороны, у читателя должно воспитываться уважение, пиетет к авторской интерпретации содержания произведения. Читатель должен попытаться распознать замысел автора хотя бы в знак благодарности ему за релаксирующее удовольствие, получаемое от прочтения великолепного произведения. Нетленные образы героев А. С. Пушкина, И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева способны поддерживать неугасаемый интерес к ним широкой аудитории читателей многих поколений, что в конечном итоге формирует наше отношение к таким произведениям как к классическому наследию.

Автор – создатель произведения, и его понимание сюжета и поведения героев является определяющим и в определенном смысле объективным. Суждения же читателя могут быть несколько тенденциозными, односторонними, фантазийными, уходящими далеко от авторского замысла. Неповторимость и своеобразность восприятия окружающего мира, накопленный жизненный опыт, сформировавшиеся предпочтения, интересы и вкусы каждого человека определяют его оригинальность интерпретации прочитанного произведения, тем более такого, которое охватывает великие исторические эпохи, биографии гениальных творцов, раскрывает тонкие характеры героев, включает остросюжетные контрапунктные позиции и пр. Читательская интерпретация произведения есть та субъективность, которая при глубоко переосмыслении им самим логики того, как он пришел к данным выводам, наполняется ещё более глубоким содержанием, способным приблизиться тем самым к авторскому толкованию. Таким образом, читатель, анализирующий свои ощущения, получает возможность управлять логикой своих выводов, корректируя ранее сформированное отношение к произведению через призму открывающихся для него тонких нюансов оброненного героем слова в жарком споре с соперником или нарочито мягкого характера главного персонажа, скрывающего за кажущимися нелепыми поступками душевные муки или страшные пороки.

Благодаря проникновению за завесу собственного сознания, попыткам анализировать свой опыт постижения авторского замысла произведения, задавая вопросы самому себе, углубляясь в логику своих рассуждений и стараясь понять, как и почему сам читатель пришел к таким выводам, феноменологию можно рассматривать как эффективный инструмент анализа внутренних переживаний. Глубоко, «подкорково» вникая в общую ситуативную картину образного мира, созданную автором, читатель в динамике про-

исходящих событий старается постигнуть логику автора. Благодаря акцентированию сознания на самом акте осмысления образов героев, их поступков и событий, происходящих в произведении, формируются прочные психологические установки феноменологической редукции, когда утрачивается первоначальная связь с объектом анализа (авторским произведением) и внимание концентрируется вокруг феноменов, излучаемых и изучаемых нашим сознанием как познаваемые сущности, имеющие косвенное отношение к породившему их произведению. Наш личный опыт постижения объекта, т. е. авторского, «правильного» толкования произведения, становится рефлексией нашего сознания, позволяющей с помощью «зеркала вовнутрь» – образного инструмента Дж. Локка – акцентировать внимание на важном и атрибутивном, отвлекаясь от второстепенного и нехарактерного, пытаюсь тем самым воспроизвести авторскую логику произведения или, по крайней мере, приблизиться к ней.

Таким образом, феноменологическая редукция определенным образом концентрирует читателя на чувственных позициях восприятия произведения, формирует некий пласт «оголённых» мыслей, получаемых в «сухом остатке» после того, как мы абстрагируемся от причины наших восприятий (т. е. от самого произведения) и пытаемся анализировать логику порожденных переживаний. Адепты феноменологии учат, что таким образом мы постигаем объект или некоторые его стороны, а получаемая в результате информация эквивалентна объективным знаниям. Это значит, что исследуя первопричины своего отношения к героям и событиям произведения, читатель может восстановить логику мыслей автора и раскрыть истинный авторский замысел.

Этот процесс достаточно сложен и неоднозначен в своем проявлении и не гарантирует успех, а при его достижении (как может показаться) сложно оценить достоверность полученных результатов, так как отсутствуют надежные критерии их верификации. Поэтому определенно можно утверждать, что глубокий и всесторонний читательский анализ авторского произведения благодаря уникальности сознания индивидуума способен как минимум породить такую же уникальную интерпретацию этого произведения, а как максимум – раскрыть предполагаемый авторский замысел, но подтвердить который, к сожалению, маловероятно по причине брэнности человеческого существования и который часто становится только предметом многочисленных исторических изысканий.

Феноменология как инструмент самовыражения в языке и психологических переживаниях активно используется в различных отраслях знаний. Нас феноменология интересует как особый педагогический прием, мотивирующий студентов к познанию вообще и изучению конкретных дисциплин, в частности. Исходной позицией, своеобразной стартовой площадкой, привлекающей внимание студента броским внешним видом, может стать некоторое ориентирующее произведение с запоминающимся интересным сюжетом, эксцентричным поведением героев, яркой авторской окраской событий. Преподаватель обращает внимание на некоторый опорный факт или запоминаю-

щуюся ситуацию из данного произведения и, стараясь в дальнейшем сохранять мотивирующую логику своего повествования с предшествующими связующими линиями из произведения, преподносит студентам необходимый учебный материал, указывая при этом на другие интересные и любопытные возможности применения новых знаний.

Приведем следующий достаточно показательный пример. При изучении теории вибрации в железнодорожных дисциплинах лекционной преамбулой и опорной конструкцией для всего учебного материала может служить сюжет рассказа А. П. Чехова «Злоумышленник». Центральный персонаж рассказа – климовский крестьянин Денис Григорьев – задерживается станционным сторожем на железнодорожном пути за откручиванием гайки рельсового скрепления. Непонимание общественной опасности содеянного не освобождает несчастного крестьянина от наказания, и его, обиженного и ошеломленного, после приговора следователя отправляют в тюрьму. Такой сюжет, одновременно смешной, печальный и трогательный, не оставит равнодушным и впечатлит любого читателя.

Фокусом этих событий рассказа в обучающем аспекте является сам момент откручивания гайки. Вряд ли у крестьянина были с собой накладные ключи, которыми он пользовался для совершения столь неприглядного поступка. Наиболее вероятно, что он откручивал гайку руками, как, впрочем, это делал не раз и раньше. Но рельс должен быть плотно связан со шпалами посредством различных скреплений, в противном случае прыгающий и качающийся поезд на разбитой, волнообразной рельсо-шпальной конструкции – это не веселая картинка из мультипликационного фильма «Паровозик из Ромашково», а прямой путь пассажиров и грузов под откос с весьма печальными последствиями для всех участников несостоявшегося транспортного процесса.

Кажущееся противоречие между теоретически плотно зажатыми гайками и практическим их легким откручиванием снимается следствием воздействия физических процессов вибрации. Здесь мы уходим от сюжета рассказа, который уже сыграл свою роль, обеспечив нас вниманием студенческой аудитории, и переходим на следующий уровень мотивированного обучения с подачей профильного учебного материала, но с сохранением, так называемых, *фокусных ориентиров*.

Логика дальнейших рассуждений преподавателя связана с тем, что вибрация, возникающая в процессе движения поездов по железнодорожному пути из-за разрывов рельсовой колеи в виде стыков, несовершенства и дисбаланса конструкции технических средств, наличия различных дефектов, ослабляет болтовые связи, в результате чего Денис Григорьев мог открутить достаточно массивную гайку руками (фокусный ориентир на произведение). Действующими инструкциями по содержанию железнодорожного пути до сих пор, как и во времена Дениса Григорьева (снова фокусный ориентир на произведение), предписывается дважды в год (весной и осенью) производить сплошное под-

тягивание гаек клеммных и закладных болтов с применением торцовых ключей. Использование в настоящее время самоконтрящихся гаек несколько снижает остроту проблемы негативного воздействия вибрации, но, к сожалению, не решает ее полностью.

Далее связи с базовым произведением А. П. Чехова становятся еще более опосредованными, и мы полностью погружаемся в проблематику вибрации, которая начинает представляться нам как атрибут, заполняющий всю нашу жизнь, сопровождающий везде, где есть шум, трение, движение. Мы узнаём, что волновое действие оказывается не только на все окружающие нас объекты, но и на человека. Даже наша планета постоянно вибрирует из-за движения тектонических плит и других, во многом еще не понятых, геологических процессов, приводящих к невообразимым катаклизмам в недрах суши и океанов, сопровождающихся разрушительными землетрясениями и чудовищными извержениями вулканов. Земля постоянно исторгает из своих глубин низкочастотные колебания, способные в определенных случаях негативно отражаться на самочувствии и влиять на здоровье человека, сбивая сердечные ритмы и активизируя резонансные явления в жизненно важных органах.

По мере расширения наших знаний о вибрации мы начинаем относить её к факторам с высокой биологической активностью, которая может стать причиной возникновения и развития опасной вибрационной болезни, являющейся наиболее распространенной среди целого ряда профессиональных заболеваний.

Методологически важно подачу профильного материала по физике вибраций производить в такой же живой и образной форме, удерживающей внимание студентов, как и повествование ориентирующего рассказа «Злоумышленник». Речь идет о синхронизации производимых мотивационных эффектов на обучаемого на всем протяжении изучения дисциплины, начиная с фокусных позиций базового произведения. «Злоумышленник» А. П. Чехова задает особый ритм легко поддерживаемого в дальнейшем интереса к новой информации, по мере раскрытия которой затухают смысловые связи с базисом, но внимание студента начинает контролироваться благодаря незаметному переносу вектора на физические процессы учебного материала, раскрываемого уже не столько лирическим языком красочных метафор и ярких эпитетов, сколько использованием точных научных терминов и не менее интересного фактографического материала.

По мере погружения в специфику предмета от связи с литературным произведением остаются только отдельные ассоциации, равно как и угасает поэтика художественной речи в угоду математической стройности и обосновываемости раскрываемой физической теории вибрации, но сознание обучаемого уже прочно ориентировано и уверенно закреплено в направлении дальнейшего эффективного изучения материала дисциплины, вводные (и наиболее сложные) понятия которой были преподнесены в увлекательной форме ярких и запоминающихся картин.

Фокусным персонажем в представленной когнитивной структуре тематических лекций становится Денис Григорьев – малограмотный, но сметливый крестьянин, не имевший ни малейшего представления о теории вибрации, но мотивированный немилосердной жизнью, в которой осуждаемые законом проступки игнорировались суровой прагматичностью реалий. Удобная симметричная форма путевых гаек с достаточным для пригрузки рыболовных крючков и сетей весом, доступность их бесплатного получения и большое количество на железнодорожных путях сформировали у Дениса Григорьева и его односельчан уверенность в наличии надежного, долговременного и, как им казалось, легального заработка. Любопытно отметить, что объективные физические процессы вибрации определенным образом потворствовали антиобщественному деянию поселян, постоянно и методично ослабляя болтовые соединения частыми колебаниями, тем самым активно способствуя легкому откручиванию гаек и неудержимо снижая безопасность следования поездов по участку железной дороги.

Подобная интерпретация бытовой канвы произведения заслуживает особого внимания с позиции реконструкции важного сопутствующего *антуражного образного поля*, способствующего надёжному удержанию контролируемого интереса у обучающихся студентов. Определенная прорисовка заднего фона произведения, оставшаяся за кадром сюжета, рассматривается как отвлекающий прием, снимающий психологическую нагрузку при изучении сложного учебного материала, требующего сосредоточенности и внимания, формируя установки своеобразной ролевой игры, в которой сторонние персонажи (вроде фигуры Дениса Григорьева) пассивно или активно включаются в общий процесс обучения.

Используя такие приемы, важно не переиграть, сбиваясь на школьную и дошкольную схематику образования, где процесс обучения могут сопровождать смешные и веселые персонажи, которые попадают в различные интересные ситуации, связанные, например, с незнанием ими законов природы. Поэтому антуражное образное поле должно проявляться в виде своеобразной полупрозрачной вуали, искусно набрасываемой преподавателем на особо сложные моменты теории, с формированием направленных и строго дозированных контекстных подсказок по правилам легко воспринимаемой дополненной и виртуальной реальностей, активно используемых в современном компьютерно ориентированном обучении.

Однако реализуемые технологии обучения с использованием феноменологических приемов не обязательно должны быть непосредственно связаны с анимационными эффектами видеолекций. В приводимом выше примере конструкция антуражного поля может связываться с постановкой учебных и исследовательских задач поиска таких параметров связи рельсо-шпальной решетки, которые, например, исключали бы возможность откручивания вручную гаек клеммных и закладных болтов после прохода заданного тоннажа составов поездов и сопутствующего негативного воздействия вибрацион-

ных процессов. Если все темы лекционного материала по теории вибрации проводились через призму фокусного ориентира, которым служил персонаж Дениса Григорьева, то достигнутое решение указанной задачи по определению рациональных значений параметров прочной, антивибрационной связи элементов железнодорожного пути, исключающих откручивание гаек вручную, будет представляться как безуспешные попытки образа «маленького, чрезвычайно тощего мужичонка в ... латаных портах» заполучить требуемое грузило для своих нужд без особых усилий.

Благодаря длительному общению с нашим персонажем за пределами сюжета авторского произведения в лекционном материале фокусный ориентир начинает жить некоей мифической жизнью, неизменно исполняя роль нарушителя спокойствия вибрационного мира. Виртуальный Денис Григорьев постоянно борется с внедряемыми нами техническими решениями безопасной эксплуатации железнодорожного пути, стараясь всеми правдами и неправдами выкрутить из болта эту злополучную, но так необходимую ему гайку. Наученный горьким опытом трудностей борьбы с законтренными гайками, «демонический персонаж» начинает на некотором этапе (например, с десятой лекции) использовать весьма изощренные средства «взлома» реализованных нами решений, связанных, например, с использованием негативных эффектов нарастающей вибрации при движении подвижного состава с большим сроком эксплуатации, при значительных отступлениях от требуемых норм по содержанию верхнего строения пути, при перевозке слабо закрепленных грузов на открытом подвижном составе и др. Таким образом, преподаватель подвигает студентов на поиск еще более совершенных решений, нейтрализующих разрушающие действия литературного фокусного демона в лице Дениса Григорьева.

Экстраполяцию реакций персонажа фокусного ориентира за пределы «родного» произведения можно рассматривать как развитие жанровой формы альтернативной истории (например, попытаться найти ответ на вопрос: как мог действовать в аналогичной ситуации Денис Григорьев, если бы он вдруг попал в XXI век). Картины рисуются весьма необычные, но своей нестандартностью – очень привлекательные для построения на них мотивирующих задач по вибрации, требующих еще более глубокого и системного изучения теоретического материала.

В целом феноменология представляет собой мощный инструмент когнитивной реконструкции сознания, направленный на формирование устойчивого интереса к целевому познанию и обучению. Наряду со стремлением читателя раскрыть авторский замысел произведения может приветствоваться его альтернативная интерпретация и экспериментирование на широком фантазийном поле, которое использует подкупающую энергичность и харизму героя авторского произведения для «перенаправления» их в русло продуктивного возвращения из студентов новых интеллектуальных и творческих личностей.

Закрепленный интерес к образу литературного героя может активно использоваться для преодоления прокрастинационных и других трудностей при обучении студентов. Сложные теоретические позиции, требующие от обучаемых концентрации сил и внимания, успешнее преодолеваются, если задействовать *редуктивные маркеры*, снижающие «болевого порог» для «грызущих гранит науки». Подобными редуктивными маркерами могут быть действия персонажей произведений, перенесенные на другие условия, время, эпоху, т. е. в нужную для преподавателя обучающую среду, в которой такой виртуальный герой начинает совершать поступки, требующие определенных навыков, знаний и умений. На этом фоне происходит ненавязчивое погружение обучаемых в соответствующую игровую среду с сознательным (или бессознательным) подключением внутренних ресурсов организма, прошлого опыта, помогающих успешно решить поставленную учебную задачу.

Феноменология обладает воистину гигантским потенциалом для осмысления гениальности творцов произведений, породивших бессмертные образы героев, сотканых из животворящего слова почти реальными, осязаемыми, которые, как кажется, еще чуть-чуть – и смогут самостоятельно выйти из бумажного плена книги. Словесно-скульптурно выточенные портреты персонажей легко визуализируются и узнаются в иллюстрациях и на картинах, что лишний раз подтверждает объективность их восприятия. Именно их явственность и фактурность становятся исключительно привлекательными свойствами образов, легко и прочно закрепляемых на подсознательном уровне, а современные образовательные стратегии позволяют эффективно использовать богатый арсенал феноменологических средств для достижения целей продуктивного обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1 / Э. Гуссерль. – 3-е изд. – СПб. : Академический проект, 2019. – 489 с.
- 2 Гегель, Ф. Феноменология духа / Ф. Гегель. – М. : Наука, 2000. – 495 с.
- 3 Быкова, М. Ф. Мистерия логики и тайна субъективности. О замысле феноменологии и логики у Гегеля / М. Ф. Быкова. – М. : Наука, 1996. – 248 с.
- 4 Локк, Дж. Опыт о человеческом разумении / Дж. Локк. – СПб. : Азбука, 2022. – 864 с.
- 5 Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Харьков : Фолио, 2003. – 503 с.
- 6 Кашина, С. Г. Защита от вибрации : учеб. пособие / С. Г. Кашина. – Казань : Изд-во Казанского гос. архитектур.-строит. ун-та, 2012. – 133 с.
- 7 Чехов, А. П. Злоумышленник / А. П. Чехов // Собр. соч. в 12 т. – М. : Правда, 1985. – Т. 3. – С. 74–78.
- 8 Плеханова, И. И. Литературный герой как «прототип» личности писателя: условия «узнавания» и художественные следствия идентификации / И. И. Плеханова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – № 1 (33). – С. 139–158.